

Священник Иоанн Шумилов,
преподаватель КДС

ОБРАЗ РАВНОАПОСТОЛЬНОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА в «Степенной книге царского родословия»

«Степенная книга царского родословия» представляет собой памятник отечественной исторической мысли XVI века, в котором излагается русская история с древнейших времен до начала 1560-х годов. Структура «Степенной книги» уникальна¹ – исторический материал в ней сгруппирован по генеалогическому принципу. Вся русская история предстает здесь как непрерывная история правления великокняжеского рода Рюриковичей на Руси: *Благорасленное изращение святого (князя Владимира. – Прим. автора) и праведнаго его семени благословенный плод иже суть благороднии сынове его и внучата в роды и роды непременно царствоваху...*² Автор (составитель) «Степенной книги» сумел создать достаточно цельную картину истории Русского государства через написание, по сути, истории великокняжеской династии.

«Степенная книга» была создана в первой половине 60-х годов XVI века под руководством многолетнего духовника Иоанна Грозного Андрея. Протопоп Благовещенского собора и духовник царя Андрей известен как высокообразованный человек, сподвижник и последователь «одного из самых значительных мыслителей и лидеров допетровской России – святого митрополита Макария»³. В 1562 году Андрей принял монашество под именем Афанасий, что позволило ему в 1564 году после смерти митрополита Макария занять перво-священническую кафедру. «Обобщающий» характер памятника в полной мере соответствует главному направлению деятельности митрополита Макария и собравшегося вокруг него литературного кружка (включавшего и Андрея-Афанасия) – стремлению подчеркнуть и утвердить единство Русского царства единством его литературы («Великие Минеи Четьи»), сонма святых (канонизация десятков святых на Соборах конца 1540-х – начала 1550-х гг.), истории и правящего рода («Степенная книга»).

На нынешнем этапе изучения «Книги степенной царского родословия» не решен однозначно вопрос о целях написания и заказчике (или адресате) этого произведения. Согласно одной точке зрения, это официальный публицистический памятник, назначение которого –

апология абсолютной власти и внешней политики Иоанна Грозного, которому, скорее всего, принадлежал замысел и главные пункты исторической концепции⁴. О близости политических взглядов царя и идей, положенных в основу исторической концепции «Степенной книги», по мнению Б.Н. Флори, «лучше всего говорит включение значительных фрагментов из этого источника в состав «Лицевого свода» – выполненного по заказу царя иллюстрированного изложения всемирной, а затем и древнерусской истории»⁵.

Согласно другой позиции, содержание «Степенной книги» скорее свидетельствует о церковном характере произведения. Она отражает взгляды русских церковных книжников середины XVI в. на роль великокняжеской династии в истории «земли исключительной и избранной». Это попытка богословского осмысления концепции самодержавной власти. Дидактические тексты утверждают «обязательность для государя следовать законам христианской нравственности и слушать советы церковных иерархов»⁶. В такой интерпретации замысел и историческая концепция Степенной книги, скорее всего, исходили от митрополита Макария и благовещенского протопопа Андрея, позднее митрополита Афанасия.

Кратко сообщая о событиях правления русских князей-язычников, автор «Степенной книги» уделил основное внимание повествованию о князьях-христианах: правнуче первого самодержца Рюрика Владимире Святославиче и его «благочестивых» потомках. Именно их биографии являются структурообразующими элементами памятника, который состоит из восемнадцати жизнеописаний («Житие Ольги» и «17 Степеней») предков первого российского царя. При этом особое внимание в «Степенной книге» уделяется установлению места каждого упоминаемого Рюриковича в генеалогии воспеваемого в памятнике рода. Как правило, подобной цели служат первые главы «Степеней», в которых, сообщая о достоинствах того или иного предка Иоанна IV, книжник неизменно возводит генеалогию этого персонажа к святому Владимиру. Такой способ группировки материала дает основание говорить об исключительной важности образов главных героев «Степеней». В то же время в «Степенную книгу» вошло большое количество весьма подробных рассказов о князьях, которые не являлись прямыми предками династии московских государей (Николай Святоша, Всеволод Псковский, Евфросиния Полоцкая, Андрей Боголюбский и т.д.). В подавляющем большинстве случаев эти рассказы о родственниках правителей «всей Руси» посвящены тем князьям, которые уже были канонизированы Церковью (Борис и Глеб,

Евфросиния Полоцкая и др.) или же почитались святыми, не имея этого статуса официально (Игорь Ольгович, Андрей Боголюбский и др.). Включение многочисленных рассказов о князьях, не являвшихся прямыми предками московских государей, но подававших пример благодетельной христианской жизни как внутри монастырских стен (Николай Святоша и Евфросиния Полоцкая), так и вне их (Борис и Глеб, Всеволод Псковский), создавало специфический историко-генеалогический фон, на котором происходили события жизни главных героев «Степеней», и свидетельствовало о «святости» «семени князя Владимира».⁷ Однако в описании прямых предков Грозного и представителей боковых ветвей правящего рода имеются принципиальные различия: вне зависимости от хронологии, действительного исторического значения и церковного статуса (церковная канонизация) предки царя всегда занимают центральное место в тексте «Степеней».

Вообще же «Степенная книга» стремится максимально полно показать место каждого упоминаемого в ее тексте князя в родословии всего рода Рюриковичей. Нам известно, какое большое значение имели «историко-генеалогические аргументы»⁸ во внешней и внутренней политике Иоанна IV. Достаточно вспомнить послание 1567 года князя М.И. Воротынского польско-литовскому королю Сигизмунду Августу, которое в исторической науке «практически безоговорочно приписывается царю»⁹ и где эти самые генеалогические аргументы служат важнейшим основанием для претензий Иоанна IV к своему «собрату».

«Степенная книга» отнюдь не представляет собой механическое соединение под одним переплетом биографий основных представителей семнадцати поколений Рюриковичей: все множество биографий правителей Руси, житийных вставок и «авторских» отступлений, содержащих разного рода размышления, объяснения, исторические и библейские параллели, объединено единым композиционным и идейным замыслом составителя. Конечно же, информативность, а подчас и целостность восприятия исторического процесса страдает от замены хронологического подхода русского летописания на биографический, но здесь следует учесть, что автор «Степенной» не преследовал цель создания подробной государственной истории Руси или родовой истории великокняжеской династии Рюриковичей. В этом смысле его задачи были более «скромными» – его интересовало создание исторического образа русского самодержца, от Самого Бога получившего *земное скипетродержавие на восприещение и на обуздание и на казнь злодействующим, добродееющим же на милование и похвалу*¹⁰.

Божественное покровительство и неограниченность власти требуют от правителя сохранения собственного высокого нравственного облика: *Внимай убо себе, о державный христолюбче, якоже повеле вамъ Господь державствовати на земли. И подобает вамъ прежде самемъ любити правду, и вся правдиво творити, и всехъ от Бога порученных вамъ людей праведно судити, и мирнаго завета всегда не приступати, и по своемъ отъческомъ достоянии Руския земли на иноплемennая враги всюю крепостию побарати, и благочестно соблюдать*¹¹. Речь здесь идет не просто о религиозной ответственности власти пред Богом за врученный ей народ, но и о религиозном служении правителя: *И сия творя, спасеши себе и прочихъ*¹². Более того, нравственное поведение, по мысли «Степенной», требуется от каждого правителя, даже от язычника: составитель вкладывает в уста молодой и еще не просвещенной евангельским светом будущей княгини Ольги следующие слова, обращенные к князю Игорю: *Аще сам уязвенъ будеши всякими скудодеянии, то како сможеши инемъ неправду возбранити и праведно судити державе твоей*¹³.

Первая «Степень», посвященная святому Владимиру, значительно превосходит все остальные разделы памятника по своему объему, что косвенно свидетельствует о ее значении. На основании текста вступления к «Степенной книге» мы можем утверждать, что замысел нашего памятника предполагал рассказ о *святемъ благочестии Российскихъ началодержецъ*, т.е. о правителях-христианах: равноапостольной Ольге, ее «преславномъ внуке» князе Владимире и «семени его праведномъ».¹⁴ Следовательно, образ *равнаго апостоломъ, святого и блаженнаго царя и великаго князя Владимира*, первого христианина среди прямых предков Иоанна Грозного, приобретает очень важное значение для «Степенной книги» в целом. Представляется, что совсем неслучайно мы имеем прямое указание «Степенной» относительно написания раздела, посвященного князю Владимиру, *благословениемъ и повелениемъ господина пресвященнаго Макария, митрополита всеа Росии*¹⁵.

Составители «Степенной» очень основательно подошли к работе над текстом раздела, посвященного похвале *блаженнаго и достохвальнаго и равноапостольнаго царя и великаго князя, святого и праведнаго Владимира, нареченнаго во святомъ крещении Василия, всеа Руския земли самодержца*¹⁶. Работа по написанию первой «Степени» была поистине уникальной не только для письменности XVI века вообще, но и для самой «Степенной книги». Согласно подсчетам А.С. Усачева, именно на первую «Степень» приходится «максимум

привлечения ранних источников», тогда как «последующие степени почти исключительно основаны на близких книжнику круга Макария памятниках».¹⁷

Необходимо отметить стремление составителей «Степенной книги» изобразить святого князя Владимира Святославича идеальным правителем Руси, что достигается за счет последовательного сравнения его с ветхозаветным царем Давидом¹⁸ и первым христианским императором Константином¹⁹ – идеальными правителями Библейской и христианской истории. Это очень важно, ведь в идеальном образе равноапостольного князя значение идеала (примера, образца) получают и те черты его характера и образа правления, которые приписывают ему составители «Степенной книги».

Знакомство читателя с образом святого Владимира «Степенная книга» начинает с раскрытия символики «дивного» имени *сего преславнаго въ самодержцахъ великаго князя Владимира*²⁰. Само имя равноапостольного князя, с точки зрения «Степенной книги», носит промыслительный характер,²¹ потому что как нельзя лучше подходит для правителя, приведшего ко Христу целый народ²². Креститель Руси, носивший «владычественное» (Владимир – «владый миром») и «царственное» (в крещении он был назван Василием – от греч. «царский») имена, даже по своему «именованию» был самодержцем: *сей же самодержавный не туне Владимиръ именовася, иже никимъ же от человекъ не обладанъ бысть, но самъ владый надъ всею Россиею и многимъ странамъ одолевая; и тако самовластно душелюбительнымъ изволениемъ... благодатию весь обогатися и владычественнымъ и царьственнымъ именованиемъ преславно прославися*²³. «Степенная книга» говорит об изначально самодержавном образе правления князя Владимира, т.е. и до его обращения к вере. Власть князя Владимира уже в языческий период его правления, т.е. когда он *еще поганскимъ обычаемъ живый и сквернымъ кумиромъ угождая*, была «самодержавной»²⁴.

Обращение будущего крестителя Руси к вере трактуется «Степенной книгой» как личный подвиг князя, которому *Самъ Господь <...> отверзе умъ возненавидети бездушныхъ кумиръ суетныя прелести и сквернаго идолобесия, и взыскати живаго Бога, въ Троицы славимаго*²⁵. Указание «Степенной книги» на промыслительное обращение Владимира к христианству следует рассматривать как развитие идей «Жития Ольги», в котором также утверждалось Божественное призвание Ольги, не знавшей «закона христианскаго».²⁶

Личное стремление великого князя к истинной вере является необходимым условием подготовки Крещения всей Руси, ведь согласно

«Степенной», *не бѣше тогда въ державе его ни книгъ, ни благочестивыхъ учителей*²⁷.

Интересно отметить, что именно в рассказе о крещении киевлян составители «Степенной книги» впервые называют древнерусскую столицу – Киев – *матерью всемъ градовомъ Рускимъ*. Интересно это потому, что в древнерусском летописании данная характеристика присваивается городу еще князем Олегом, сразу после того, как Киев становится столицей единого государства князей из династии Рюриковичей, т.е. после убийства Аскольда и Дира²⁸. «Степенная книга» не просто называет столицу этим древним красноречивым эпитетом, но достаточно подробно объясняет нам смысл подобного именованія Киева, ставшего первым христианским городом Русской земли: *не туне бо тако наречеся, но яко <...> равноапостольный Владимиръ въ томъ же граде первие вся люди своя въ богоразумие приведе*²⁹. Более того, Киев изображается не только первым христианским городом и столицей нового христианского государства, но и духовным центром христианского просвещения для всей Русской земли: *и отъ того же града проповеданиемъ благочестия во всей Русстей земли дияволя прелестъ упразднися, вера же христианская расплодися и непоколебимо утвердися*³⁰.

Самодержецъ всей Русстей земли князь Владимир на страницах «Степенной книги» предстает сильным правителем. Одного лишь личного авторитета князя Владимира достаточно для того, чтобы собрать все население Киева на реке для совершения Таинства Крещения, а в случае неповиновения ему в этом принципиальном для него вопросе князь готов идти на применение крайних мер (*и той яве противень будетъ Христу Богу и нашей державе и не имать сей пощадеи быти от насъ*)³¹. «Степенная книга» прямо утверждает определяющее значение сильной власти равноапостольного князя в деле Крещения Руси, которое, собственно, и произошло «его повелением» – *яко повелениемъ его просветишася*³². В то же время составители «Степенной книги» находят нужным подчеркнуть, что, призывая киевлян креститься, князь Владимир не приказывает своим подданным, а только призывает и разъясняет: *не яко властельски запрещаю, но учительски моля всехъ и наказуя, разумно же и богоразсудительно извести имъ истинную Христову веру*³³. Здесь же составители «Степенной книги» подчеркивают то, что никто даже на словах не сопротивлялся осуществляемой Владимиром христианизации Руси и что Крещение Руси произошло добровольно и «единомысленно»: *никто же противно не глагола ничто же благочестивому его повелению, но*

*вси благодатию Святаго Духа осияваемы люботщательно обратишася веровати истинному Богу <...> единомысленно обещахася креститися*³⁴.

Рассмотренное выше повествование «Степенной книги» о Крещении Руси является продолжением древнерусской летописной традиции, берущей свое начало от «Повести временных лет». Однако необходимо отметить целый ряд важных дополнений к летописному рассказу о Крещении. Прежде всего «Степенная» подчеркивает особую роль святого князя не только в принятии решения о Крещении, но и в обращении своих подданных в христианство. По сути, в «Степенной книге» утверждается активная роль Владимира как просветителя (миссионера) русского народа. Так, согласно тексту «Степенной», «вельможи» в Херсонесе крестились по призыву самого князя,³⁵ тогда как летописание изображало это как самостоятельный поступок «дружины», уверовавшей после чудесного исцеления ослепшего Владимира³⁶. С утверждениями об активной проповеди христианства самим великим князем в тексте первой «Степени» мы сталкиваемся неоднократно. В рассказе «О крещении всея Руси» говорится, что *поучение къ народомъ* исходило не только от духовенства, но и от самого князя; причем именно его проповедь наряду с личным примером названы главными причинами успешного «всенародного» крещения в Киеве: *и многу народу собрану бывшу, къ нимъ же много поучение простирашеся отъ пресвященнейшаго митрополита, тако же и отъ епископовъ и отъ презвитеръ; наипаче же самъ равноапостольный Владимиръ многихъ смиренномудренно и любезно, не яко властельски запрещаая, но учительски моля всех и наказуя, разумно же богоразсудительно извести имъ истинную Христову веру <...> Множество же народа, слышавше отъ дивнаго самодержца словеса Божия, вси единомудренно <...> и единомысленно обещахася креститися*³⁷.

Рассказ «Степенной книги» о дальнейшей христианизации Руси не носит систематического характера, что, впрочем, не было свойственно и предшествующей летописной традиции. Повествование «Степенной» о крещении жителей Суздальской земли и Великого Новгорода,³⁸ продолжая традицию Никоновской летописи,³⁹ изображает «растущую и множущуюся благодать Божию»⁴⁰ и ничего не сообщает о сопротивлении этому народу. При этом вновь подчеркиваются усилия самого великого князя по христианизации своей державы. Особенно примечателен рассказ 42-й главы о крещении Суздальской земли и основании града Владимира. Здесь мы читаем не только об основании Владимира на Клязьме святым крестителем

Руси, что является воспроизводством сведений статьи на 6500 год из Никоновской летописи,⁴¹ но также узнаем о том, что князь Владимир настолько «возлюбил» основанный «в его имя» град, что *подвизаше же ся самъ со епископы, наказуя люди благочестию*⁴². Тем самым обосновывается особое духовное родство Суздальской земли со святым равноапостольным князем Владимиром.

О нравственных качествах первого христианского правителя «Степенная» говорит не меньше, чем о характере его власти. Книга не просто использует по отношению к нему такие эпитеты, как «благодутробный», «сердцем смиренный»⁴³ и т.д. (подобные эпитеты в отношении правителя полагались просто по «этикету»), но и весьма подробно развивает мысль о высоком нравственном облике князя в разделе «О разбойницехъ». Известный эпизод борьбы князя Владимира с уголовными преступлениями составитель «Степенной книги» превращает в свидетельство высокой нравственности правителя. Когда князь из боязни совершения греха перед Богом отказался от использования «репрессивных» мер в отношении *разбойников*, тогда только вмешательство митрополита смогло убедить *благочестиваго самодержателя* вернуться к своим обязанностям, которые, по мнению «Степенной», состоят в том, чтобы *безо всякаго сумнения всемъ злодеемъ праведнымъ судомъ всячески воспрещати и творящимъ разбои по правиломъ градскаго закона праведно судити со испытаниемъ и разсмотрениемъ*⁴⁴. Весь этот рассказ взят из Никоновской летописи, где он также имеет большое значение в качестве авторитетного исторического свидетельства о тесном сотрудничестве великокняжеской и митрополичьей власти⁴⁵.

Ориентирующийся на Никоновскую летопись рассказ «Степенной книги» о борьбе с «разбоями» окончательно утратил связь с исходным летописным сообщением «Повести временных лет» под 6504 годом⁴⁶ о «важнейшей реформе в области судебных наказаний», когда Владимиром «была отменена система судебных штрафов в виде судебных платежей» и введена «система физических наказаний («казни») за преступления»⁴⁷. В «Повести временных лет» сообщалось о попытке введения предложенной епископами судебной реформы и ее скором провале, тогда как в Никоновской летописи, особенно в более обширном рассказе из «Степенной книги», всему указанному сюжету был придан, по сути, обратный смысл. Вся глава «О разбойницехъ» превращается в подкрепленное авторитетным историческим примером развернутое доказательство необходимости жестких карательных функций власти. Утверждаемая в тексте обращенного к

Владимиру поучения епископов обязанность «самодержавного царя» *упразднити и воспретити таковое злодейство* как нельзя лучше соответствует проблематике политико-идеологической публицистики середины XVI столетия. Рассуждая о различиях власти светской («царской») и духовной («святительской»), Иоанн Грозный писал в своем «Первом послании князю Андрею Курбскому» о том, что царской власти не может быть без «страха, и запрещения, и обуздания, и конечнейшаго запрещения по безумию злейшихъ человек лукавых». ⁴⁸ Удивительную близость к приведенным словам из послания царя обнаруживает поучение епископов из рассказа «Степенной книги» о борьбе князя Владимира с разбоями: *внимай убо себе и всему стаду, въ немъ же ты Духъ Святый постави, яко есть воля Божия благочестивымъ делателемъ бузумныхъ человекъ обуздавати неразумие*. ⁴⁹

В рассказе «О разбойницехъ» весьма существенной представляется также та роль, которую составители «Степенной» отводят «митрополиту Леонту». В тексте «Степенной книги» именно к митрополиту обращаются «епископы и старейшины земстии» с просьбой увещевать великого князя, названного тут «сыномъ святого архиерейства». Образ митрополита – «отца» великого князя – взят составителями «Степенной книги» из Никоновской летописи, которая особо заботилась о повышении авторитета митрополичьей власти. В «Повести временных лет» нет митрополита как второго центра власти, к которому могли бы обратиться обеспокоенные нестабильной ситуацией в обществе представители церковной и светской аристократии («епископы и старейшины земстии»). Впрочем, и в тексте «Повести временных лет» сама идея жесткой борьбы государственной власти с таким общественным злом как «разбои» исходит от безымянных *епископъ*. ⁵⁰

Идея тесного сотрудничества самодержавной власти и Церкви, безусловно, относящаяся к числу основных «постулатов» «Степенной книги», ⁵¹ отразилась в повествовании о заботе самого Владимира и его потомков о Церкви ⁵². Забота эта выражалась в передаче церквям, «епископиям» и «честным монастырям» различных имуществ, в том числе называются *грады и погосты, села и винограды, земли и борти, езера и реки и великия власти со всеми прибытки*, отданные князьями *въ вечное наследие*. ⁵³ Тем самым «Степенная книга» «вносит заметный вклад в споры XVI века о церковном землевладении», ⁵⁴ предоставляя его защитникам значительный набор исторических аргументов и связывая их с деятельностью идеального правителя Древней Руси – святого князя Владимира.

Много внимания в тексте «Первой Степени» уделено вопросам внешней политики князя Владимира. В общих чертах рассказ «Степенной книги» о военных успехах князя Владимира повторяет летописную традицию. Древнерусское летописание традиционно подчеркивало миролюбие князя Владимира и утверждало, что Владимир *живяше въ мире и въ любви и со окольними странами и съ короли...*⁵⁵ «Степенная книга» хотя и не содержит указанного текста, однако отмечает, что принятие христианства на Руси означало ослабление воинственности, присущей древним славянам: *нача удержаватися Руская брань на Греки блаженнаго сего самодержца Владимира миролюбимъ восприятия ради благочестия отъ Греческаго правоверия*⁵⁶. То есть «миролюбие» равноапостольного князя «Степенная книга» относит к числу добродетелей самодержавного правителя Руси. Наоборот, постоянных противников Владимира – волжских болгар – составители «Степенной книги» обвиняют в нарушении мирных договоров, оправдывая тем самым походы святого князя: *слыша боголюбивый Владимиръ, яко безбожнии Болгари Волжския и Камския не исправляхуся къ нему, но своимъ лукавымъ обычаемъ всегда мирный заветъ раздрушаху и клятву свою престаху, его же ради подвижесе ратовати ихъ*⁵⁷.

Следует заметить, что рассказ «Степенной» о военных походах князя Владимира не представляет собой целостного повествования: сообщения о конкретных внешнеполитических акциях князя Владимира содержатся в различных главах «Первой Степени».

Военные походы Владимира-язычника в земли «ляхов», волжских болгар, «ятвягов» и «прочих» в «Степенной книге» упоминаются в связи с рассказом о первых киевских мучениках – Федоре (в «Степенной книге» названном «Варягом») и сыне его Иоанне⁵⁸. Это, по сути, является продолжением традиции древнерусского летописания, где сообщения о походах Владимира против ляхов и ятвягов традиционно были связаны с рассказом о мучениках-варягах, т.к. их мученический подвиг стал следствием желания киевского князя принести в жертву молодого варяжского юношу Иоанна в благодарность языческим богам за победу над ятвягами⁵⁹. Однако в тексте 21-й главы «Первой Степени», посвященной рассказу о подвиге первых киевских мучеников, упоминание о военной славе князя Владимира представляет собой не просто часть традиционного летописного рассказа о Федоре и Иоанне, но содержит также и обобщенное рассуждение о могуществе древнерусской «державы». «Степенная» обращает внимание читателя не только на подвиг мучеников, но и на «победы» князя Владимира,

изображая его сильным и успешным правителем: *преславный же въ самодержавныхъ великий князь Владимиръ окрестныя страны покорилъ подъ ся, овыи миромъ, а непокоривыя мечемъ*⁶⁰. Приведенная выше похвальная характеристика Владимира взята составителями из «Слова о законе и благодати»: *и единодержецъ бывъ земли своеи, покоривъ подъ ся округня страны – овы миромъ, непокоривыя мечемъ*⁶¹.

Характерно, что после Крещения Руси активная внешняя политика Владимира Святославича, направленная против воинственных соседей, в «Степенной книге» трактуется исключительно как ответная реакция на агрессивные действия самих соседей. Теперь речь уже не идет о «покорении окрестных стран»; и в поход святой Владимир выступает только после того, как «слышит» о вторжении врагов (печенегов или болгар) в пределы его державы⁶². В образе святого Владимира «Степенная книга» последовательно подчеркивает его миролюбие, что позволяет нам не согласиться с мнением о том, что «Степенная» представляет собой «памятник воинственно-патриотической идеологии»⁶³.

Особую тему в рассказах «Степенной книги» о внешней политике князя Владимира представляет собой история его отношений с волжскими болгарами. О походах Владимира против волжских болгар упоминает и Никоновская летопись,⁶⁴ однако там эти краткие сообщения являются именно упоминанием о самом походе и о его победном завершении, но не содержат рассуждений и исторических параллелей, как это происходит в «Степенной книге». Пристальное внимание составителей «Степенной книги» к волжским болгарам связано с тем, что этот народ рассматривается здесь в качестве предка волжских татар. Сама идея о тождестве волжских болгар и казанских татар, содержащаяся в названии 55-й главы «Первой Степени» (*Победа на Болгары Волжския и новейшее одоление царя и великаго князя Ивана*⁶⁵), восходит к тексту Никоновской летописи, где говорится о равнозначности имен «Болгар» и «Татар»⁶⁶. Текст 55-й главы повествует о победе князя Владимира над болгарами, однако основное место составители отводят здесь сообщению об успешном покорении Казанского и Астраханского ханств царем Иоанном Грозным. Походы первого Российского царя на Волгу против татарских ханств изображаются в данном тексте как продолжение начатого еще князем Владимиром дела, направленного на усмирение опасных для Руси соседей, которые *христианству многу вражду и кровопролитие и пленъ содеваяще непрестаяху*. «Степенная книга» хотя и утверждает, что *боговенчаный царь Иванъ Васильевичъ* в деле покорения Казани и

Астрахани поступал, *во всемъ подражая прародителю своему, сему святому и праведному Владимиру*, однако одновременно объясняет большой успех Иоанна Грозного тем, что его победа над *срацынами* сопровождалась успешной христианизацией покоренного края. То есть военные победы крестителя Руси и его ближайших потомков над волжскими болгарами не были закреплены приобщением этого народа к христианству: *Аще же и многажды побеждени и пленени бываху, во благочестие же никако же не обращахуся*⁶⁷.

Идея распространения христианской веры среди соседних с Русью народов возникает в «Степенной книге» как раз в связи с именем князя Владимира. 46-я глава «Первой Степени» (*Посла Владимиръ философа ко Срацыномъ проповедати веру Христову*⁶⁸) повествует о том, как князь Владимир предпринял попытку обратить поволжских мусульман в христианство. Рассказ о посылке князем Владимиром «философа» (миссионера) в землю волжских болгар восходит к Никоновской летописи⁶⁹. Примечателен содержащийся в Никоновской летописи «призыв» князя Владимира к волжским болгарам не воспринимать его миссионерскую инициативу враждебно. По мнению князя Владимира (в трактовке Никоновской летописи), волжским болгарам не следует видеть в христианской проповеди угрозу, и даже в случае, если они и *не восхотятъ просветитися Божественнымъ Крещениемъ*, великий князь призывает их сохранять мирные отношения – *да не брань сотворятъ о семъ*⁷⁰. То есть в Никоновской летописи князь Владимир, направляя своего миссионера в Поволжье, призывает болгар не относиться к этому как к поводу для военного конфликта. «Степенная книга» в рассказе о проповеди болгарам, явно опирающаяся на текст Никоновской летописи, тоже очень настойчиво говорит о желании Владимира *миръ и любовь сугубо имети* с болгарами. Здесь же утверждается, что «богомудрый Владимир» не связывал христианскую проповедь с возможностью покорения и присоединения земель волжских болгар: *мы убо не брань воздвигающе, сию Божественную благодать предлагаемъ вамъ, но любви законъ исполнити вменяемъ, яко да миръ Божий умножится во всехъ насъ*⁷¹. Очевидно, что «Степенная» говорит о желании князя Владимира приобщить своих соседей к христианству мирным образом – проповедью, а не мечом. Это возвращает нас к рассмотренному выше тексту 55-й главы, где «победа» князя Владимира над болгарами сравнивается с покорением Казани и Астрахани царем Иоанном Васильевичем. В изображении «Степенной книги» окончательная победа Иоанна IV над этими опасными для Руси соседями основывается как раз на

христианизации уже покоренного края, но уже с позиции силы: *вся поганьскія ихъ советы и коварства разори... и неверныхъ въ веру обращающа православноу и христианскій законъ въ нихъ утверждающа...*⁷²

«Степенная книга» очень последовательно присваивает князю Владимиру наименование «равноапостольного»⁷³. «Равноапостольный» – это один из титулов Византийских императоров,⁷⁴ означавший ответственность императора «за христианизацию язычников в своей в идеале вселенской империи и во всем мире»⁷⁵. Поэтому в полном соответствии с идеологией «равноапостольства» христианской императорской власти «Степенная» говорит о «равноапостольном царе» *всѣя Рускія земли*,⁷⁶ что *блаженный Владимиръ... наипаче же желаше не токмо едину свою землю благочестіемъ исполнити, но аще возможно ему и всю вселенную къ богоразумію привести*⁷⁷.

Действия князя Владимира по распространению христианства среди других народов наряду с его проповедью собственным подданным наполняют реальным содержанием часто применяющееся к нему определение «равноапостольный». И хотя указанный «Степенной книгой» замысел князя Владимира в отношении христианской миссии в Поволжье и не был успешен, но все-таки «равноапостольство» князя Владимира распространяется и за пределы его «державы». Именно об этом «свидетельствуют» сообщения «Степенной книги» о крещении «князей» болгарских и печенежских⁷⁸.

При анализе текста «Первой Степени» особое внимание следует уделить тому, как изображает «Степенная книга» характер отношений святого князя с представителями знати. Взаимоотношения правителей Руси со знатью неоднократно оказываются в центре внимания «Степенной книги», однако обыкновенно это касается тех сюжетов русской истории, когда речь идет о «льстивых советах»⁷⁹ «неких враждотворцев»⁸⁰. В случае с князем Владимиром мы имеем возможность определить, какими представлялись составителям «Степенной книги» «идеальные» отношения «самодержца» и его «вельмож».

Характеристика отношений крестителя Руси со знатью в «Степенной книге» очень близка той, которую предлагает предшествующее русское летописание. «Степенная книга» вслед за Никоновской летописью, опиравшейся в данном вопросе на «Повесть временных лет», подчеркивает добрые отношения Владимира со своими боярами, упоминает о его «советах» с боярами. Знаменитый летописный текст о том, что *зело любяше Владимиръ дружину, и съ ними думая о божественней державе Русской, и о всемъ земскомъ устроении*,⁸¹ в несколько измененном виде присутствует и в «Степенной книге». Однако в

тексте «Степенной» мы читаем о «любви» князя Владимира не к «дружине» в целом, но только к «благим советникам». Внимание равноапостольного князя к «благим» советам *премудрых бояр*⁸² описывается составителями книги не просто как характерная черта правления Владимира, но и как важная его заслуга и добродетель: *Зело же любящие благия советники, и съ ними всегда вся полезная умышляя Богомъ дарованней ему державе Русьстей и о всякомъ земскомъ устроении; и таковымъ благоразсуднымъ велемудриемъ и остроумнымъ благосоветиемъ похвалы всякия достойно дело сотвори*⁸³.

Бояре князя Владимира ни разу не называются «льстивыми» или «лукавыми», наоборот, «Степенная» утверждает, что Бог *дарова ему и вельможи его премудры и разумны и во благосоветии дивны, мнози же и сильни и храбростию удалы и нарочиты*⁸⁴. Прекрасной иллюстрацией хороших отношений Владимира с аристократией может служить следующий эпизод, помещенный в «Степенной книге». Призывая своих подданных креститься, Владимир, как было сказано выше, угрожал ослушавшимся строгим наказанием, однако в отношении своих *вельмож* князь не только не использует угрозы, но даже и не приказывает, но призывает: *срадуйте ми ся, о друзи*. Таким образом, взаимоотношения *самодержавного царя* Владимира со своими *вельможами* «Степенная книга» изображает в плоскости личных отношений правителя и его приближенных, т.е. в этом вопросе «Степенная» следует древнерусской исторической традиции.

Впрочем, и такой характер отношений с приближенными не гарантировал князю полную безопасность от возможного предательства с их стороны. Спасти от этого, по мнению «Степенной», может лишь помощь Божия: *Бысть же тогда некто Половчинъ, именуемый Володаръ, и сей диаволимъ научениемъ, забывъ многое къ себе благодеяние государя своего, святого и великого князя Владимира, прииде бранию ко Киеву...но обаче веры ради и благодеяния блаженнаго Владимира вскоре разори Бог неправедныя советы безумнаго Володаря*⁸⁵. Измена своему князю трактуется в этом рассказе как состояние одержимости темными силами (*диаволимъ научениемъ*), т.е. восстать на князя, по мысли составителей сборника, может лишь человек «безумный» или одержимый бесом. Однако «Степенная» не оригинальна в подобной трактовке этого сюжета: она пересказывает здесь текст Никоновской летописи, где в статье под 6508 годом говорится: *Прииде Володаръ с половцы къ Киеву, забывъ благодеяния господина своего князя Владимира, демономъ наученъ...*⁸⁶ Примечательно, что в рассказе о предательстве (*забывъ многое къ себе благодеяние государя своего*)

и мятеже Володаря «Степенная», в отличие от Никоновской летописи, называет его половцем («половчином»), т.е. представителем иного, враждебного Руси народа.

Вопрос состоит в том, следует ли считать это сознательным вымыслом составителей «Степенной книги» с целью показать, что мятеж исходил не из среды бояр и вельмож, или же здесь имела просто редакторская правка, направленная на то, чтобы сделать сообщение более понятным. Основанием для «превращения» Володаря в половца могла послужить неясность исходного летописного сообщения, в котором Володарь действует в тесном союзе с половцами. Особенно неясным редактору могло показаться сообщение о гибели Володаря и его сообщников: *уби Володаря и брата его и иных множество Половецъ изби*. На основании указания Никоновской летописи о гибели Володаря и *иных Половецъ* составитель «Степенной книги» мог сделать вполне логичный вывод о половецком происхождении и самого мятежника.

Таким образом, «Степенная книга», сообщая о единственном случае выступлении против «самодержца», инициатором которого назван не кто-либо из дружины или «вельмож», а половец Володарь, в остальном рисует радужную картину бесконфликтных отношений святого Владимира со знатью. О взаимоотношениях Владимира и знати, насколько они показаны в «Степенной книге», следует говорить как об идеальных, причем в значении идеала как примера для подражания.

О том, что изображенные в «Степенной книге» отношения Владимира со знатью являются именно идеалом (образцом для подражания), свидетельствует текст молитвы за царя и великого князя (Иоанна Грозного), которая завершает 72-ю главу и в которой автор просит Бога даровать царю *мирно царствие и непоколебимо* и сохранить *боляре его въ послушании и во страхе и въ вере православной и немздоприемныхъ*⁸⁷. Как видно из данного отрывка, современная составителям «Степенной книги» ситуация уже не давала поводов для утверждения столь гладких отношений правителя со знатью, какими они показаны применительно к идеальной эпохе святого Владимира, и потому автор «Степенной» обращается к Богу и святому покровителю русских самодержцев сохранить бояр Иоанна Грозного «послушными» и «немздоприемными».

Завершается повествование «Степенной книги» о святом Владимире двумя очень важными текстами, по сути представляющими из себя похвалу не только равноапостольному князю, но и всем его

потомкам – это 71-я глава, имеющая заголовок «Похвала вкратце» и 72-я глава «О праведномъ сродствии святого Владимира». В указанных текстах очень последовательно проводится мысль о святости правящей династии – «семени» святого Владимира, их неукоснительном «благочестии» и «верности» Православию. По сути, «Степенная» говорит об уникальной, превосходящей естественный порядок вещей добродетельности великокняжеского рода: *аще бы единъ или два блага – по естеству бы было, а понеже до конца мнози неисчетны добродетельни быша*⁸⁸. «Семя блаженного Владимира» названо здесь Новым Израилем и сравнивается с потомством Авраама, Исаака и Израиля, причем из этого сравнения делается вывод о превосходстве семени Владимира над израильянами, которые *многожды заблудивша отъ Бога даннаго имъ закона*, тогда как *блаженного же Владимира благорасленный плодъ въ роды и роды и доныне же не отпаде благодатного Христова закона*⁸⁹. Вообще же основным мотивом этой пространной похвалы следует считать утверждение неперменного благочестия великих князей и их родственников: *и даже и до ныне во всехъ Рускихъ самодержцехъ не бысть никто же въ нихъ, иже бы не благочестивъ былъ, и никто же отъ нихъ никогда же нимало усумняя, ни смутися, ни соблазнися о истинномъ законе христианскомъ <...> и вси единодушно богодарованную имъ Рускую державу отъ всякихъ ересей крепко соблюдаху*⁹⁰ и *аще ли же некто отъ нихъ и человеческое нечто сотвори, или некое прегрешение содея, или въ некия крамолы увязну <...>, но истинныя веры, иже въ Господа Иисуса Христа, никто же отпаде, ни отступи*⁹⁰.

В качестве доказательства особой добродетельности великокняжеского рода составители «Степенной книги» приводят перечень христианских подвигов, которыми угодили Богу его представители: «иночество», «благозаконное супружество», «мученичество», «юродство» и т.д. Однако наибольший интерес вызывают случаи сравнения, или, скорее, противопоставления потомков Владимира ветхозаветному Израилю и византийским императорам.

Развернутое сравнение князя Владимира с императором Константином убеждает составителей книги в их «подобии» – «равноумности» и «равночестности», что, впрочем, не распространяется на их потомков, ибо среди византийских императоров *только единъ святой Константинъ, до конца благочестно царствовавъ и веру православную непоколеблемо соблюде*, тогда как *сего блаженного Владимира благословенное семя тако возлюбил Бог, яко вси и доныне истинное благочестие непорочно сохраняху*⁹¹.

Согласно учению преподобного Иосифа Волоцкого и в полном согласии с византийской традицией, отвергавшей власть тех правителей, которые своими произвольными решениями пытались менять православное вероучение, подданные могли отказать в повиновении правителю, посягающему на чистоту Православия. Данное учение содержится в 7-м слове «Просветителя» Иосифа Волоцкого – книге, которую первый российский царь «внимательно читал в 50-х годах XVI века»⁹²: «Если же некий царь царствует над людьми, но над ним самим царствуют скверные страсти и грехи: сребролюбие и гнев, лукавство и неправда, гордость и ярость, злее же всего неверие и хула, такой царь не Божий слуга, но дьяволов, и не царь, но мучитель. <...> И ты не слушай царя или князя, склоняющего тебя к нечестию и лукавству, даже если он будет мучить тебя или угрожать смертью»⁹³. Как видно из указанного текста, обратной стороной освященного авторитетом Церкви учения о Божественном происхождении царской власти и ее ответственности только перед Высшим Судией была идея о необходимости соблюдения правителем христианского нравственного закона. О том, что составители «Степенной книги» были согласны с подобным пониманием прав и обязанностей властителей, наглядно свидетельствует один сюжет из «Жития Ольги», а именно описанная там первая встреча юного князя Игоря с девушкой-перевозчицей – будущей его женой Ольгой. Рассказывая об этом легендарном событии, составитель жития вложил в уста молодой язычницы Ольги слова нравственной проповеди *прельстившемуся* ее красотой великому князю: *аще самъ узвєнъ будєши всякими студодєянии, то како можєши инємъ неправду възбранити и правєдно судити державє твоей*⁹⁴? Нас сейчас не интересует то, само по себе достойное внимания исследователя обстоятельство, что в момент произнесения этих слов Ольга была язычницей. По сути, слова Ольги ясно указывают на то, что грех (*всякие студодєяния*) является препятствием для достойного осуществления правителем его обязанностей. Поразительно сходство этого высказывания «Жития Ольги» и приведенных выше слов преподобного Иосифа Волоцкого, говорившего о том, что царь не может править подданными, если над ним самим царствуют скверные страсти и грехи.

Однако вернемся к заключительным главам первой «Степени». В свете всего сказанного выше становится очевидным, что прославление в «Степенной книге» верности Православию и «добродетельности» всех без исключения потомков Владимира, вплоть до Иоанна IV (*яко вси и доньне*), призвано было не только подчеркнуть избранность

правлящего рода, но и доказать неуязвимость российского самодержавия. Таким образом, исторический рассказ «Степенной книги» о «равноапостольном царе и великом князе» Владимире, равно как и пространная похвала верности и чистоте его потомков, приобретает большое значение в качестве историко-идеологического аргумента политической доктрины Российского самодержавия.

Эпоха Владимира изображается в книге как время истинного самодержавного правления, период расцвета Древней Руси, время государственной и общественной стабильности. При написании последующих «Степеней» перед составителями памятника стояла задача объяснить упадок Киевской Руси и показать закономерность перехода «самодержавия» к наследникам Киева – Владимиру и Москве.

Рассмотренные нами примеры творческого осмысления событий далекого прошлого Руси древнерусскими книжниками позволяют говорить о большом значении «Степенной книги» для изучения взглядов церковной и государственной элиты российского общества середины – второй половины XVI столетия. Исторические рассказы «Степенной» о русских государях и рассуждения ее составителей о важнейших этапах русской истории представляют собой очень полезный комментарий к тем взглядам на сущность и характер власти московского царя, которые утвердились в общественном сознании к середине XVI века.

Составитель «Степенной книги» следует основным тенденциям, характерным для развития древнерусской книжности историографического плана. Прежде всего это касается осмысления исторического процесса – русская история последовательно увязывается с реализацией Промысла.

Вместе с тем очевиден дидактический характер памятника. Составитель стремится четко структурировать материал, сделать его доступным для использования. Анализ представленных в «Степенной книге» политических взглядов дает все основания полагать, что ее составитель ориентировался на идеал православного царства и его главы, представленный в произведениях книжников XVI века. Несомненным является факт связи составителя с тем идейным контекстом, который породил как «Степенную книгу», так и писания преподобного Максима Грека, митрополита Макария, Сильвестра, Стоглав и др. На это указывает созвучие ключевых политических идей «Степенной книги», прославляющей потомков равноапостольного князя Владимира, – богоизбранности княжеского рода, единства и могущества Русской земли, соработничества («симфонии») власти

и Церкви, необходимости соответствия правителя определенному духовно-нравственному идеалу, гибельности «самовластия» (безвластия) – сочинениям и духу Макарьевской эпохи. Вероятно, составитель следовал и другой традиции политической мысли Древней Руси. По всей видимости, адресуя «Степенную книгу» царю Иоанну IV, он вслед за Вассианом Рыло, преподобным Иосифом Волоцким, преподобным Максимом Греком, митрополитом Макарием, Сильвестром и др. в завуалированной форме представил ему помещенный в описание событий прошлого достойный для подражания идеал.

¹ Покровский Н.Н. Афанасий (в миру Андрей) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 1. А-К. Л.: «Наука», 1988. С. 76.

² ПСРЛ. Т. XXI. Первая половина. Книга Степенная царского родословия. Часть первая. СПб., 1908. С. 133.

³ Покровский Н.Н. Исторические постулаты Степенной книги царского родословия // Исторические источники и литературные памятники XVI–XX вв.: Развитие традиций. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. – 336 с. – (Археография и источниковедение Сибири; вып. 23). С. 8.

⁴ История русской литературы XI–XVII вв. М., 1985. С. 271–272 (глава Я.С. Лурье)

⁵ Флоря Б.Н. Иван Грозный. М.: Мол. гвардия, 2002. С. 105.

⁶ Ленхофф Г.Д. Степенная книга: замысел, идеология, адресация // Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарии: В 3 т. / Отв. Ред.: Н.Н. Покровский, Г.Д. Ленхофф. – Т. 1. С. 133–137. О том же: Покровский Н.Н. Исторические концепции Степенной книги царского родословия // Там же. С. 97–98; Усачев А.С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария / Отв. Ред. А.А. Горский; Рос. гос. б-ка, науч.-исслед. отдел книговедения. – М.; СПб.: Альянс-Архео, 2009. С. 666–684.

⁷ ПСРЛ. Т. XXI. Первая половина. Книга Степенная... Ч. 1. С. 133–134.

⁸ Колобков В.А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия: Опричнина Ивана Грозного / Под общ. ред. С.О. Шмидта; науч. ред. Г.П. Енин. – СПб.: Алетей, 2004. – 640 с. – (Серия «Древнерусские сказания о достопамятных людях, местах и событиях»). С. 187.

⁹ Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М.: «Древлехранилище», 2003. С. 466.

¹⁰ ПСРЛ. Т. XXI. Книга Степенная царского родословия. Ч. 1. С. 124.

¹¹ Там же. С. 246.

- ¹² Там же. С. 246.
- ¹³ Там же. С. 8.
- ¹⁴ Там же. С. 5.
- ¹⁵ Там же. С. 58.
- ¹⁶ Там же. С. 58.
- ¹⁷ Усачев А.С. Древняя Русь в исторической мысли 60-х гг. XVI в. С. 198.
- ¹⁸ ПСРЛ. Т. XXI. Книга Степенная...Ч.1. С. 65.
- ¹⁹ Там же. С. 97, 132.
- ²⁰ Там же. С. 59.
- ²¹ Там же. С. 60.
- ²² Там же. С. 132.
- ²³ Там же. С. 59-60.
- ²⁴ Там же. С. 69-70.
- ²⁵ Там же. С. 71.
- ²⁶ Там же. С. 12.
- ²⁷ Там же. С. 74.
- ²⁸ ПСРЛ. Т. IX. Никоновская летопись. С. 15.
- ²⁹ ПСРЛ. Т. XXI. Первая половина. Книга Степенная...Ч.1. С. 107.
- ³⁰ Там же. С. 107.
- ³¹ Там же. С. 106.
- ³² Там же. С. 107.
- ³³ Там же. С. 106.
- ³⁴ Там же. С. 106.
- ³⁵ Там же. С. 97-98.
- ³⁶ ПСРЛ. Т. IX. Никоновская летопись. С. 54. Ср. ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. С. 111.
- ³⁷ ПСРЛ. Т. XXI. Первая половина. Книга Степенная...Ч.1. С. 105-106.
- ³⁸ Там же. С. 109-110.
- ³⁹ ПСРЛ. Т. IX. Никоновская летопись. С. 63-64.
- ⁴⁰ ПСРЛ. Т. XXI. Первая половина. Книга Степенная...Ч.1. С. 109.
- ⁴¹ ПСРЛ. Т. IX. Никоновская летопись. С. 64.
- ⁴² ПСРЛ. Т. XXI. Первая половина. Книга Степенная...Ч.1. С. 109.
- ⁴³ Там же. С. 125.
- ⁴⁴ Там же. С. 123.
- ⁴⁵ ПСРЛ. Т. IX. Никоновская летопись. С. 67.
- ⁴⁶ ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. С. 126-127.
- ⁴⁷ Милов Л.В. Легенда или реальность? (О неизвестной реформе Владимира и правде Ярослава) // Древнее право. № 1, 1996. М. С. 203.
- ⁴⁸ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Подг. текста Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыков. Л.: «Наука», 1979. С. 24.
- ⁴⁹ ПСРЛ. Т. XXI. Первая половина. Книга Степенная...Ч.1. С. 124.

- ⁵⁰ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. С. 111.
- ⁵¹ *Покровский Н.Н.* Исторические постулаты Степенной книги царского родословия // Исторические источники и литературные памятники XVI–XX вв.: Развитие традиций. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. – 336 с. – (Археография и источниковедение Сибири; вып. 23). С. 9.
- ⁵² ПСРЛ. Т. XXI. Первая половина. Книга Степенная...Ч.1. С. 118-121.
- ⁵³ Там же. С. 119.
- ⁵⁴ *Покровский Н.Н.* Исторические постулаты Степенной книги царского родословия. С. 34.
- ⁵⁵ ПСРЛ. Т. IX. Никоновская летопись. С. 67; Ср. ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. С. 111.
- ⁵⁶ ПСРЛ. Т. XXI. Первая половина. Книга Степенная...Ч.1. С. 62.
- ⁵⁷ Там же. С. 116.
- ⁵⁸ Там же. С. 69-71.
- ⁵⁹ ПСРЛ. Т. IX. Никоновская летопись. С. 41-42; Ср. ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. С. 69-71.
- ⁶⁰ ПСРЛ. Т. XXI. Первая половина. Книга Степенная...Ч.1. С. 70.
- ⁶¹ *Митрополит Илларион.* Слово о законе и благодати. Древнерусский текст // Альманах библиофила. Вып. 26. Тысячелетие русской письменной культуры (988-1988). М.: Книга, 1989. С. 178.
- ⁶² ПСРЛ. Т. XXI. Первая половина. Книга Степенная...Ч. 1. С. 116
- ⁶³ *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. М.: «Древлехранилище», 2003. С. 268-269.
- ⁶⁴ ПСРЛ. Т. IX. Никоновская летопись. С. 65; 66.
- ⁶⁵ ПСРЛ. Т. XXI. Первая половина. Книга Степенная...Ч.1. С. 115.
- ⁶⁶ ПСРЛ. Т. IX. Никоновская летопись. С. 58.
- ⁶⁷ ПСРЛ. Т. XXI. Первая половина. Книга Степенная...Ч.1. С. 116.
- ⁶⁸ Там же. С. 111-112.
- ⁶⁹ ПСРЛ. Т. IX. Никоновская летопись. С. 58-59.
- ⁷⁰ Там же. С. 59.
- ⁷¹ ПСРЛ. Т. XXI. Первая половина. Книга Степенная...Ч. 1. С. 111.
- ⁷² Там же. С. 116.
- ⁷³ Там же. С. 58, 137.
- ⁷⁴ *Иванов С.А.* Византийская религиозная миссия VIII–XI вв. с точки зрения византийцев // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия / Рос. академия наук. Ин-т славяноведения; отв. ред. Б.Н. Флоря. – М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 9-10.
- ⁷⁵ *Мейендорф И.* Единство империи и разделение христиан // *Мейендорф И.* История Церкви и восточно-христианская мистика / Сост. и общ. ред. И.В. Мамаладзе. М.: Институт ДИ-ДИК, 2000. С. 35.
- ⁷⁶ ПСРЛ. Т. XXI. Первая половина. Книга Степенная...Ч. 1. С. 58,137.

⁷⁷ Там же. С. 127.

⁷⁸ Там же. С. 112-113.

⁷⁹ Там же. С. 232.

⁸⁰ Там же. С. 128.

⁸¹ ПСРЛ. Т. IX. Никоновская летопись. С. 67; ср. ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. С. 111.

⁸² ПСРЛ. Т. XXI. Первая половина. Книга Степенная...Ч.1. С. 106.

⁸³ Там же. С. 121-122.

⁸⁴ Там же. С. 125.

⁸⁵ Там же. С. 126.

⁸⁶ ПСРЛ. Т. IX. Никоновская летопись. С. 68.

⁸⁷ ПСРЛ. Т. XXI. Первая половина. Книга Степенная...Ч. 1. С. 137.

⁸⁸ Там же. С. 133.

⁸⁹ Там же. С. 135.

⁹⁰ Там же. С. 133.

⁹¹ Там же. С. 135.

⁹² *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. С. 95.

⁹³ *Преподобный Иосиф Волоцкий.* Просветитель. М., 1993. С. 189.

⁹⁴ ПСРЛ. Т. XXI. Первая половина. Книга Степенная...Ч. 1. С. 8..